

В. В. ЛАПИН

Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX веков

<Фрагмент>

<...> Россия заплатила очень высокую цену за присоединение этого края. До сих пор не представляется возможным произвести сколько-нибудь точные подсчеты людских потерь и финансовых затрат.

В 1722–1731 годах погибло в боях 4528 солдат и офицеров «Низового» корпуса, расквартированного в Дагестане и Азербайджане¹. В 1801–1864 годах Отдельный Кавказский корпус потерял 24 946 человек убитыми (804 офицера и 24 142 солдата), 65 322 — ранеными (3154 офицера и 62 168 солдат) и 6007 — пленными (92 офицера и 5915 солдат). Кроме того, во время восстания в Дагестанской и Терской областях в 1877 году армия потеряла убитыми 9 офицеров и 242 солдата, ранеными — 34 офицера и 814 солдат².

В боях с регулярными и иррегулярными войсками Турции и Персии, а также в стычках с восставшим населением Азербайджана, во время войн 1803–1813, 1826–1828, 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878 годов погибло 413 офицеров и 12 491 солдат; 1632 офицера и 35 746 нижних чинов было ранено и 2794 человека оказалось в плену³.

В число пленных включены также пропавшие без вести, большая часть которых погибла, но факт гибели не был зафиксирован сослуживцами. Нет возможности подсчитать, сколько раненых умерло и сколько стало калеками (сведения о потерях указывались на время составления реляций, когда было неизвестно, сколько раненых выживет). Часть пленных умирала в неволе,

часть была выкуплена, бежала или была возвращена после окончания боевых действий.

Таким образом, без учета боевых потерь на Тереке, Кубани и в Закавказье в XVIII столетии, завоевание Кавказа стоило России 43 729 человек только убитыми. Примерно втрое больше — было ранено. К числу жертв Кавказской войны следует отнести около 2000 убитых, раненых и захваченных в плен мирных жителей тех населенных пунктов, которые подвергались набегам в 1809–1862 годах. Нет достоверных данных о потерях милиционных формирований, а также казачьих войск. В этот же скорбный список следует включить погибших моряков Черноморского флота и Каспийской флотилии во время крейсерства у Кавказских берегов и при доставке припасов. Нет возможности также установить число гражданских лиц, уведенных в плен, сгинувших в горах или проданных в Турцию⁴. Принимая во внимание все вышеуказанные обстоятельства, можно говорить о том, что общие боевые потери за весь период завоевания Кавказа составили около 100 тысяч человек.

Так называемые санитарные потери (от болезней и разного рода лишений) значительно превышали боевые. Так, за 10 дней марша от Эривани к Тбилиси в 1804 году отряд генерала Цицианова потерял убитыми 3 человек, ранеными 18, заболевшими 568, умершими 145⁵. Тогда на одного убитого приходилось 50 умерших. Пехотный Тенгинский полк в 1820–1824 годах потерял убитыми 10 человек и умершими 1159 человек. За трехлетие 1827–1830 годов в двух действующих батальонах умерло 23 офицера и 1644 солдата⁶. В рапорте командира Тенгинского пехотного полка полковника Хлюпина указано, что в период с 6 августа по 14 октября 1841 года из пяти штаб-офицеров в строю осталось четверо, из 66 обер-офицеров — только половина, музыкантов выбыло две трети, унтеров осталось менее двух пятых, а рядовых — чуть более одной трети первоначального количества⁷. В войсках на западном берегу Каспийского моря в 1722–1731 годах на одного убитого приходилось 8 умерших. Лейб-гвардии Сводный полк в 1826–1828 годах потерял одного человека убитым и 319 — умершими от болезней⁸. За 12 лет существования гарнизона Черноморской береговой линии предали земле до 50 тысяч солдат и офицеров⁹.

В конце 1820-х годов, по подсчетам титулярного советника Покровского, представившего в 1831 году главнокомандующему на Кавказе генералу Г. В. Розену проект «О мерах и скорых

к покорению кавказско-горских народов и к приведению всего Грузинского края в цветущее состояние способам», ежегодные финансовые затраты составляли порядка 24 миллионов рублей серебром, а людские потери порядка 6 тысяч человек (при общей численности войск на Кавказе в 60 тыс. человек)¹⁰. Такое соотношение убитых и умерших было характерно для войн, которые вели европейские державы в Азии, Африке и в Америке. В 1817 году британская дивизия, вышедшая к границе Афганистана в составе 10 тыс. человек, за несколько недель похоронила 7 тыс. солдат и офицеров, причем боевые потери были ничтожны. За 17 лет войны в Алжире французский корпус потерял от болезней 68 тыс. человек. Во время Мадагаскарской экспедиции 1895 года от руки мальгашей пал 1 офицер, от местных микробов — 35. При завоевании Дагомеи от малярии и тифа умер каждый 9-й участвовавший в этом деле европеец¹¹.

Несложные подсчеты позволяют установить, что завоевание Кавказа Россия оплатила жизнями почти миллиона военнослужащих. Невозможно назвать число убитых в боях горцев, поскольку рапорты военачальников сильно преувеличивали потери противника, но опять же, по ряду косвенных признаков, их следует принять примерно равными русским. Огромными были жертвы среди мирного населения, жестоко страдавшего от разорения жилищ, от уничтожения запасов продовольствия и скота, от невозможности нормально вести хозяйство. Таким образом, для того, чтобы включить в состав империи еще четыре миллиона новых подданных, потребовалось сначала погубить два миллиона таковых.

Кроме человеческих потерь, имели место огромные финансовые затраты. Запутанная система финансирования Отдельного Кавказского корпуса не позволяет назвать более или менее точную величину расходов на завоевание Кавказа. Но в царствование Николая I покорение горцев перестало быть только военной и политической проблемой, поскольку стоимость его стала чрезмерным бременем для финансов империи. Существовало мнение, что в конце 1840-х годов на Кавказ тратился каждый шестой рубль.

Не только историки занимались поиском ответа на вопрос: что являлось целью Кавказской войны. Я. А. Гордин в книге «Кавказ. Земля и кровь» показал, что над этим задумывались, по крайней мере, в начале XIX столетия. Это была удивительная война: ее участники и современники не знали ее причин и целей.

Мощнейшим импульсом продвижения России на Кавказ в XIX веке стала материализация имперских идей, выполнение «миссии белого человека»¹². Для европейцев того времени их культурное превосходство над всеми остальными было аксиомой. Из этого следовало, что они получали право бороться с «невежеством и суеверием», в число которых включалось все, что не укладывалось в европейские рамки представлений о социальном и политическом устройстве России и исходила из превосходства российской культуры и цивилизаторской роли русской администрации, а также из необходимости борьбы с «кавказским варварством» и распространения православия среди «впавших в ложное учение Магомета» и т. д. Причем именно эти идеи как таковые были мощнейшим двигателем и европейской экспансии.

Победы в русско-турецких войнах второй половины XIX столетия, мечты Екатерины II, Павла I и Александра I о радикальных изменениях политической карты в Восточном Средиземноморье заострили вопрос о возрождении на Кавказе христианских держав — Грузии и Армении. Очередь Кавказа наступила тогда, когда укоренившееся представление о себе как о великой державе оказалось прочно связанным с идеей цивилизаторской миссии России на Востоке и с обязательствами защиты христианства (православия). Это совпало с периодом радикальных перемен в геополитическом мышлении. Географические карты прочно вошли в обиход, представления о различных объектах (города, страны, моря, реки и т. д.) в сознании образованных людей, а главное, тех, кто принимал важные «государственные» решения, определялись соответствующими масштабными изображениями на картах. «Непокорный» Северный Кавказ отделял присоединенное к России Закавказье сплошной полосой от Черного до Каспийского моря, причем полоса эта означала не только «зону непокорности», но еще и сферу распространения ислама, сферу интересов Турции — вечного врага в Причерноморье.

В движении России на Кавказ экономические интересы играли некоторую роль только в начале XVIII века. Далее на первый план выдвинулись задачи воплощения имперской идеи и достижения выгодного геополитического положения. Важным самостоятельным фактором развития конфликта стала его внутренняя логика. Сама линия соприкосновения регулярных войск и народов, находившихся на стадии военной демократии, автоматически превратилась в линию фронта. Все это лежало за пределами пони-

мания рядовых участников военных действий: с их точки зрения, война была покорением «бунтовщиков», наказанием их за набеги и нападения на русские укрепления. Отсутствие очевидных целей войны (понятных для участников с российской стороны), вкупе с ее небывалой продолжительностью, выдвигали в качестве таковых конструкты, порожденные самой войной. Войска Кавказского корпуса шли в бой, «потому что так заведено», чтобы отомстить за ранее погибших товарищей, чтобы удержать ранее захваченные рубежи. Фактически война велась ради самой войны, и это многое значило для трансформации кавказских войск в особый субэтнос.

